

РОЛЬ И МЕСТО ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ РГВИА)

История XX в. начинается крупномасштабной войной России против Японии. Русско-японская война 1904–1905 гг. изучена достаточно глубоко. Интерес к ее исследованию был продиктован прежде всего практическими соображениями, так как Россия в этой войне потерпела поражение. Для этой цели при Военном министерстве была создана специальная комиссия по всестороннему изучению данной военной компании. Результатом этой работы явился капитальный труд изданный в девяти томах.

Историография русско-японской войны включает в себя сотни книг, научных статей. Вместе с тем применение кавалерии в этой войне нашло довольно ограниченное освещение в военно-исторической литературе, поскольку она не играла решающей роли в основных сражениях.

Однако в последнее время в связи с возрождением казачества исследователи начали уделять все большее внимание изучению участия в этой войне казачьих войск, так как именно они представляли основную часть кавалерии. И если вопросу боевого применения оренбургских и донских казаков посвящен ряд работ, то забайкальские казаки остались незаслуженно забыты, хотя именно забайкальцы первыми оказались на театре военных действий, и это им было суждено первыми вступить в бой с японской армией.

На начальном этапе русско-японской войны Забайкальское казачье войско (ЗКВ) составляло костяк кавалерии, находящейся в Маньчжурии. С первых дней войны на театре военных действий находились четыре Забайкальских казачьих полка шестисотенного состава: 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский, 1-й Аргунский, 1-й Нерчинский. Казачью артиллерию составляли 1-я и 2-я Забайкальские казачьи батареи по 6 орудий каждая. Данные полки были распределены на театре военных действий следующим образом:

Квантунский укрепрайон: 1-й Верхнеудинский казачий полк (1-я, 2-я, 3-я, 5-я Забайкальская казачьи сотни в Талиеване; 4-я сотня в Порт-Артуре, 6-я сотня в Бизцыво).

Южная Маньчжурия: 1-й Читинский казачий полк (1-я, 2-я, 3-я, 4-я сотни в Фынхуанчене, 5-я, 6-я в Мукдене); 2-я Забайкальская казачья батарея (2 орудия в Ляояне; 2 орудия в Мукдене; 2 орудия в Фынхуанчене).

Северная Маньчжурия: 1-й Аргунский казачий полк (1-я, 2-я, 3-я, 6-я сотни в Итунь-Чжоу, 4-я сотня в Куанченцзы, 5-я в Гирине).

Приамурский военный округ: 1-й Нерчинский полк (1-я сотня в Хуанчене, 2-я, 3-я, 6-я сотни в Гродеково, 4-я сотни в Никольск-Уссурийске, 5-я сотня в Камень-Рыболове)¹.

Одновременно с началом мобилизации начался призыв льготных полков ЗКВ: 2-го Аргунского, 2-го Читинского, 2-го Верхнеудинского, 2-го Нерчинского, позднее из которых была сформирована Забайкальская казачья дивизия².

6 февраля 1904 г. с началом высадки 1-й японской армии генерала Курокина на южном берегу Кореи в районе Фузан и Мизальпо русским командованием с целью определения численности японских войск на Корейском полуострове и направления их движения был сформирован конный отряд генерала П. И. Мищенко в составе: 1-го Читинского и 1-го Аргунского казачьих полков ЗКВ, Уссурийского полка и охотничьей команды 15-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 1-й Забайкальской казачьей батареи³. Проведение разведки в любой военной компании является важной исходной задачей, от выполнения которой во многом зависит успех проведения боевых действий. Согласно приказу № 38070 от 9 февраля 1904 г., подписанному генералом Н. Л. Ливневичем, отряду предписано: «...без промедления перейти с Читинским полком р. Ялу и расположиться в Ыйджу. По присоединении к Вам Аргунского полка и батареи разрешаю сделать поиски по направлению к Пхеньяну, причем если встретите японскую конницу, предписываю ее разгромить. Однако рекомендую иметь в виду, что, если силы японцев велики и вынуждены будете вернуться назад, обеспечьте переправу»⁴.

Выполняя поставленную задачу, 2 февраля 1904 г. на территорию Кореи вступила 1-я сотня Читинского полка, а 5 февраля к ней присоединились 3-я и 4-я сотни казаков, которые под общим командованием войскового старшины Куклина составили авангард передового отряда. В этот же день первые русские разъезды вошли в город Ыйджу, а 10 февраля сюда подошли и основные силы. После этого отряд в полном составе двинулся дальше по территории Кореи⁵.

11–13 февраля конный отряд П. И. Мищенко двигался через города Конжу и Анджу, направляясь в глубь Кореи. Преодолев тяжелейшую горную дорогу к Пхеньяну, 12 февраля 1904 г. отряд остановился в Анджу, откуда 13 февраля в район Пхеньяна была отправлена 1-я сотня Читинского полка под командованием есаула Перфильева. 14 февраля она подошла к городу на расстоянии 13 км и расположилась у деревни Анкори. Узнав от местных жителей, что в городе 8 тысяч японцев, командиром сотни было принято решение атаковать город. Однако сопротивление противника заставило казаков отойти⁶.

В Пхеньяне поднялась тревога по поводу внезапного появления русских. Очевидно, наступления русских в Корею не ждали, что заставило японцев несколько изменить свои планы. В телеграмме генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину генерал-лейтенант Н. Л. Линевич докладывал: «Отряд Мищенко своим движением к Пхеньяну заставил японцев повременить с наступлением к р. Ялу и вообще задержаться. Японцы, зная о нахождении здесь наших сил, не решились двинуться вперед. Таким образом, мы уже теперь имеем время для сосредоточения основных сил. По моему мнению, этот отряд и дальше должен держаться на р. Ялу, пока это будет возможно»⁷. Из вышесказанного ясно, что отряд не только проводил разведку, но и являлся сдерживающей силой противника, препятствуя его дальнейшему продвижению, что давало русскому командованию дополнительное время для подготовки к войне русской армии.

Однако уже 14 февраля в 18.00 генералом П. И. Мищенко был получен приказ от Н. П. Линевича (через Н. А. Кашталинского) вернуться с обоими полками и с артиллерией в Ыйджу, а дальше перейти на правый берег р. Ялу. Такое распоряжение, по мнению летописца отряда В. А. Апушкина, было вызвано опасением русского командования «лишиться конницы в самом начале войны»⁸. Последующие дни вплоть до середины марта отряд П. И. Мищенко располагался по небольшим деревням по пути следования на Анджу, проводя разведку. В последней разведке перед переправой через р. Ялу казаки обнаружили, что головные отряды японцев из пехоты и кавалерии находятся уже на правом берегу Пакченгана, а разъезды их доходят до Касана; что в Анджу – три тысячи японцев; что в порт Цинампо постоянно прибывают японские суда и транспорт, и что войска, высадившиеся здесь, идут к Пхеньяну.

Задачу разведки можно было считать выполненной, и на 14 марта была назначена переправа через р. Ялу, обратно на маньчжурский берег. Но ее пришлось отложить из-за того, что генералу П. И. Мищенко в Сенчхен было доставлено письмо от генерал-лейтенанта Н. П. Линевича, в котором тот сообщал, что в депеше № 927 от 9 марта, отправленной ему генерал-лейтенантом Жилинским, говорилось, что Главнокомандующий всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке адмирал Алексеев потребовал от отряда П. И. Мищенко более решительных действий и выразил сожаление, что «Мищенко не потрепал японцев»⁹.

Выполняя это пожелание – «потрепать японцев», генерал П. И. Мищенко решил дать бой в окрестностях города Ченьчжу. События этого боя так описывает Апушкин В. А. в книге «Мищенко из воспоминаний о русско-японской войне»: «Отряд разделился на три колонны: среднюю, три сотни читинцев, вел генерал Мищенко; левую, две сотни аргунцев, вел их командир – полковник Трухин; а правой, одной сотней, руководил командир читинцев полковник Павлов. Бой был сложным, но забайкальцы проявили себя героически. Вот один из примеров. Штабс-капитан Степанов решил ударить по врагу в шашки в пешем строю. Скомандовав: “Шашки – вон”, он поднялся в атаку, но был смертельно ранен. Командование принял корнет Базилович, но и он упал раненый в живот. За ним были убиты еще два и ранены девять казаков. После довольно жаркой схватки, длившейся несколько часов, казаки стали отходить ввиду приближения со стороны Касана четырех рот японских солдат, не утрачивая соприкосновения с противником. Потери японцев были значительно больше русских»¹⁰.

Патриотическая пресса ликовала, описывая этот бой: «Первое столкновение русских и японских войск на суше в Северной Корее ознаменовалась блестящей победой русского оружия» – писал собственный корреспондент газеты «Байкал» 21 марта 1904 г. из Ляояна. И далее продолжал: «Потери японцев в десять раз больше русских; по сведениям от корейцев, японцы похоронили 50 убитых, 120 раненых»¹¹.

Бой этот выявил, что в окрестностях Анджу, Ченьдзю и Пхеньяна сосредотачивается 1-я японская армия с явными намерением двигаться вперед, за р. Ялу.

Опасение быть отрезанным от своих сил ожидавшимся ледоходом на р. Ялу заставило П. И. Мищенко начать переправу через

реку. Переправа заняла почти трое суток, и днем 31 марта (3 апреля) 1904 г. весь состав отряда переправился на маньчжурский берег р. Ялу.

Корейский поход, продолжавшийся 49 дней, был окончен. Летописцы этого похода оценивали действия отряда как успешные. Так, В. А. Апушкин отметил: «За это время отрядом произведена широкая разведка в районе р. Ялу от устья р. Чончонган, от Сакчжу до Пакчена. Были обнаружены посты, заставы японцев; были установлены основные направления движения противника»¹².

Подводя итог, можно сделать вывод, что подразделения ЗКВ на начальном этапе войны не только одними из первых оказались на театре военных действий, но и первыми приняли боевое крещение в составе отряда генерала П. И. Мищенко. Однако первое боевое крещение выявило и ряд недостатков всей русской армии. Отправляя в Корею отряд, командование не побеспокоилось о том, чтобы укомплектовать его переводчиками, снабдить картами, компасами, биноклями, денежными средствами для организации тайной разведки. Сложные местные условия (левый фланг японцев прикрывался морем, а правый терялся в горной местности), а также грамотное прикрытие своих главных сил линией пехотных застав по рекам Тайдончана, Чинганчана, Панкенчана не давали возможности казакам проникнуть за эту завесу к главным силам с флангов или с фронта.

Кроме того, предписание генерала Линевича (депеша № 121) «строго беречь нашу конницу; решительно не допускать, чтобы наша немногочисленная конница была расстроена в первый же период кампании»¹³ не позволяла использовать ее в полном масштабе. Возможность помешать действиям японских войск в Корею была упущена.

Командир 1-го Читинского казачьего полка Г. А. Павлов так оценил результаты работы: «Не дали работать... только имей мы в тылу хоть немного пехоты, мы могли бы сильно их тревожить, а так сделали гораздо меньше, чем могли сделать»¹⁴.

Примечания

1. РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 27946. Ч. 1. Л. 3–5.
2. Сборник Правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1905. С. 555–557.
3. РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 31834. Л. 154.
4. Там же. Л. 160.
5. Там же. Л. 190.

6. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 11. С. 76.
7. РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 31834. Л. 212.
8. Апушкин В. А., Мищенко П. И. Из воспоминаний о русско-японской войне. СПб., 1908. С. 20–30.
9. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20. Л. 2.
10. Апушкин В. А., Мищенко П. И. Указ. соч. С. 29.
11. Аничков Д. И. // Байкал. № 48.
12. Апушкин В. А. Указ. соч. С. 36.
13. РГВИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 803. Л. 5.
14. Краснов П. А. Год войны: 14 месяцев на войне. СПб., 1905. Т. 1. С. 26.

АФАНАСОВ О. В.

КУЛЬТБРИГАДЫ В «КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ» РАБОТЕ СРЕДИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ОЗЕРНОГО ЛАГЕРЯ

В 1949 г., когда происходило формирование особого лагеря № 7 МВД СССР «Озерный», создавалась его организационная и материально-техническая база, в истории лагеря произошло, быть может, неприметное с точки зрения официальных властей событие, повлиявшее на сознание людей, оказавшихся волею судьбы в застенках Озерлага. На некоторых крупных лагерных пунктах особлага № 7, в частности на Центральном авторемонтном заводе (ЦАРМЗ) г. Тайшета (лагпункт № 048) и Центральной лагерной больнице № 1 (лагпункт № 02), при культурно-воспитательных частях в 1949 г. были созданы культбригады, члены которых, в большинстве своем профессиональные артисты и музыканты, проводили концерты художественной самодеятельности, ставили спектакли и оперетты.

Особо следует отметить культбригаду, существовавшую на лагерном пункте № 048 вблизи Тайшета. Для ее формирования инспектор Культурно-воспитательного отдела (КВО) Озерлага Скрыгин специально ездил по лагерным подразделениям, раскиданным вдоль железнодорожной трассы Тайшет – Братск, и набирал лучших актеров, музыкальных исполнителей, танцоров и певцов, что говорило о значимости данного мероприятия для лагерной администрации: впоследствии концерты творческого коллектива посещали высшие лагерные чины во главе с начальником управления полковником С. К. Евстигнеевым.